

*Т. Г. Таирова-Яковлева*

## МОТРЯ КОЧУБЕЙ И ЕЕ РОМАН С ГЕТМАНОМ ИВАНОМ МАЗЕПОЙ

Fontes

Романтичная и одновременно трагичная история любви гетмана Украины Ивана Мазепы и Мотри Кочубей (у А. С. Пушкина она Мария) была воспета десятками писателей, поэтов и композиторов. Этот роман сделал имя Мазепы широко известным далеко за пределами Украины. За прошедшие века имена многих авторов, использовавших сюжет о Мотре, были преданы забвению, а история любви молодой панны и знаменитого гетмана по-прежнему идет на подмостках самых знаменитых театров мира.

Театралы и пушкинисты редко задаются вопросом: имелась ли историческая подоплека у литературного сюжета? Что происходило на самом деле? Если отвечать кратко, то страсти, кипевшие в жизни, намного превосходили писательскую фантазию.

Была осень 1704 года, шла Северная война. Гетман Иван Мазепа вернулся из очередного похода в свою резиденцию в Батурине. Компания прошла удачно. Мазепа по приказу Петра арестовал своего давнего соперника Палея, лидера правобережного казачества. Хотя это было сделано под видом исполнения требований Августа II, союзника Петра, но на деле под контроль гетмана теперь перешла большая часть Правобережья, которую никто возвращать полякам не спешил.

Это был огромный успех для Гетманщины, которая после долгих десятилетий Руины опять обрела границы как во времена Богдана Хмельницкого. Настроение Мазепы, которому к тому времени исполнилось уже 65 лет, было отличное. Старшина, особенно те, для которых идеи Гетманщины не были пустым звуком, встречали гетмана с восторгом. И сам он, как умный политик и зрелый человек, не мог не осознавать величие происходивших событий. Осуществление заветных мечтаний должно было наполнять его душу торжеством. Вместе с этим силы утраивались, а желания возрастали.

В Батурине Мазепа чаще всего жил не в своей официальной резиденции, «дворце», располагавшемся в замке города, а в имении Гончарихе, в двух километрах южнее города. Имение было обширным. Гетман строил его с привлечением итальянских архитекторов. Большой каменный трехэтажный дворец в стиле западного барокко, позволявший принимать всю старшину. Именно там размещалась знаменитая библиотека Мазепы и коллекция западноевропейской живописи. Дворец стоял прямо на высоком (до 10 м) берегу реки Сейм, откуда открывался великолепный вид на окрестности. Также были построены деревянная церковь, деревянные стены с бастонами и земляные укрепления со рвом (шириной в 8–12 м), ограждавшие территорию «собственного сада» почти в 9 га, разбитого по приказу Мазепы<sup>1</sup>. А дальше имение переходило в обширный парк с дубравой, простиравшийся еще на 40 гектар.

Соседом Мазепы был Василий Кочубей — богатый и влиятельный старшина, сперва генеральный писарь, а затем генеральный судья. Ему досталось бывшее здание генерального суда (построенное еще при Д. Многогрешном), которое Кочубей превратил в свою резиденцию и поселился там вместе со своей семьей (у А. С. Пушкина они жили в Полтаве). От дома начинался парк Кочубея в 130 десятин. Уютная дубовая аллея вела прямо от дома в глубину парка, туда, где он соединялся с парком Мазепы.

В золотые дни осени 1704 г. Мазепа, конечно, не раз бывал в доме своего кума и соседа. Отношения их, с виду самые радушные и приятельские, на самом деле были далеко не простыми. Оба они в свое время служили на Правобережье, у гетмана Петра Дорошенко. В 1676 г. Мазепа попал в плен и был силой доставлен на Левобережье, а Кочубей, наоборот, добровольно покинул Дорошенко. В 1687 г. Кочубей, бывший уже тогда генеральным писарем, выступил инициатором доноса на гетмана И. Самойловича, безусловно, рассчитывая на гетманскую булаву<sup>2</sup>. Его надежды не оправдались: В. В. Голицын рекомендовал старшине избрать И. Мазепу. Несмотря на щедрые пожалования, которые Мазепа получил для Кочубея в Москве, генеральный писарь затаил злобу.

Значительно позже, уже в 1708 году, когда шло «дело Кочубея», Мазепа писал А. Д. Меншикову:

«Кочубей исконный мой есть враг, который от начала моего хлопотливого гетманства всегда был мне противный и разные подо мною рвы копал, советуюсь непрестанно с враждебниками моими, которые иные уже давно, а иные в недавнем времени поумирали и исчезли. Писал он на меня пасквильные подметные письма, а будучи писарем генеральным, имеючи у себя печать войсковую и подписываясь за меня часто, так как я из-за хирогрической болезни не всегода могу подписывать письма и уневерсалы, издал ложные некоторые, именем моим рукой его подписанные и под печатью войсковою. За такое преступление велел я его за крепкий караул взять. Потом и во второй раз он же Кочубей по крикажу моему взят же был за караул в тот самый час, когда близкий его родственник проклятый Петрик передался до орды Крымской и великий мятеж в народе малороссийском учинил»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Коваленко В. Батурин — гетьманська столиця // *Mazepa and his time*. Alessandria, 2004. S. 205–229; *Мезенцев В.* Декор мазепинского палатау в Батурині: Італійське та українське бароко // *Історико-культурні надбання Сіверщини у контексті історії України*. Глухів, 2006. С. 72–82.

<sup>2</sup> Яковлева Т. Г. Донос старшин на І. Самойловича: Аналіз першоджерела // *УІЖ*. 2006. № 4. С. 190–201.

<sup>3</sup> Опубликовано: *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто. 2001. С. 375–376.

Эти скупые строки приоткрывают завесу над долгими годами жесткого соперничества за власть. Соперничества, которое обе стороны до поры до времени старательно скрывали.

Они даже породнились. Одна из дочерей Кочубея, Ганна, была замужем за Иваном Обидовским, любимым племянником гетмана, которого пророчили в его преемники. Правда, к 1704 г. Обидовский уже погиб на полях Северной войны. Младшая дочь Кочубея, Мотря, была крестницей Ивана Степановича и к моменту описываемых событий еще была очень юной.

В 1702 г. у Мазепы умерла жена, тихая и незаметная Фридрикевич. Хотя она не играла никакой заметной роли в Гетманщине, никогда не упоминалась в описании официальных церемоний<sup>4</sup>, но тем не менее гетман, славившийся своей популярностью у женского пола, хранил ей верность. По крайней мере никаких фактов романов Мазепы при жизни его жены историками не обнаружено. Теперь положение в корне изменилось — гетман стал вдовцом и завидным женихом — сказочно богатый, влиятельный государь огромного края, чувствующий подъем жизненных сил и воодушевление от достигнутого. Дряхлым стариком в свои 65 лет Мазепа отнюдь не был. Французский посол Жан Балюз, побывавший в Батурине как раз в месяцы, когда развивался роман с Мотрей, оставил следующее описание гетмана: «Взгляд у него суровый, глаза блестящие, руки тонкие и белые, как у женщины, хотя тело его сильнее, чем тело немецкого рейтара, и он прекрасный наездник»<sup>5</sup>.

Такое сочетание мужской силы, железной воли, ясного ума, безмерной власти, богатства с легкостью покорило Мотрю. К тому же Кочубеевна была девушкой образованной, разбирающейся в литературе (одним из подарков гетмана к ней станет «книжечка»), так что эрудиция, начитанность Мазепы тоже оказались его воздействием. Наконец, еще один фактор, который представляется очень важным: все говорит о том, что Иван Степанович был искренне влюблен. А страсть со стороны столь выдающегося человека не могла не льстить самолюбию девушки. К тому же ухаживал он очень красиво.

Сохранившиеся письма Мазепы к Мотре, его переписка с Кочубеем позволяют весьма подробно восстановить события, разыгравшиеся в Батурине в конце 1704 года. Между гетманом и девушкой вспыхнул нешуточный роман. Предания, сохранившиеся в Батурине, рассказывают про старинный дуб на аллее, соединявшей имения Кочубея и Мазепы (в народе она и сейчас именуется «аллеей кохання»), в дупле которого влюбленные прятали тайную переписку.

Помимо большой разницы в возрасте ситуацию усложняло то, что Мотря, как уже упоминалось, была крестницей Ивана Степановича и, по церковным канонам, они не могли пожениться. Правда, для всемогущего Мазепы, крупнейшего церковного мецената и личного друга всей украинской и русской духовной иерархии (и Стефан Яворский, и Феофан Прокопович во многом были именно ему обязаны своей блестящей карьерой) — это была решаемая проблема. Другой, не решаемой, оказалась позиция родителей Мотри, которые категорически отказались давать свое благословение.

Роковую роль здесь играла Любовь Кочубей, женщина с сильным, но склочным характером, имя которой не раз упоминается в источниках в связи с конфликтами

<sup>4</sup> Приведем даже такой любопытный факт: в списке подарков, которые направлялись из Москвы, среди получивших их лиц упоминается, помимо гетмана, его мать, но не упоминается жена (РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 4. № 39).

<sup>5</sup> Иван Мазепа. Київ, 1992. С. 76.

между старшиной. Любовь была дочерью старого полтавского полковника Жученко, с детства привыкла к власти, чтобы все подчинялись ее воле. Но тут коса нашла на камень. Мотря стояла на своем. Любовь (Мазепа в своих письмах именуется ее мучительницей, за тиранское обхождение с дочкой) третировала Мотрию, по некоторым свидетельствам — даже била. И все закончилось тем, что в один прекрасный вечер девушка убежала к гетману.

Сколько она пробыла у Мазепы — неизвестно, но вскоре он отослал ее обратно к родителям в сопровождении стрелецкого полковника Григория Анненкова. Прощаясь в «покое мурованном», Мотря поклялась, «что хоть так, хоть этак будет, но любовь наша не изменится». Мазепа подарил возлюбленной брильянтовый перстень, «лучше и дороже которого у меня не имеется». Гетман целовал «беленькие ручки» и уверял, что «если жив буду, то тебя не забуду».

Мотря была недовольна решением Мазепы отправить ее обратно домой. Тот объяснял, что, во-первых, Кочубеи «по всему свету объявили, что я взял у них дочку ночью силой и держу у себя вместо наложницы». Во-вторых, гетман откровенно признавался, что если бы Мотря оставалась у него в доме, «я бы не смог никоим образом выдержать, да и Ваша милость тоже. Стали бы мы с тобой жить так, как супружество велит».

Несмотря на всю силу любовного влечения («Моя сердечно любимая, наймилейшая, наилюбезнейшая Мотроненько!.. Сама знаешь, как я сердечно, страстно люблю Вашу милость. Еще никого на свете я не любил так»), Мазепа поступил благородно, но это ему в заслугу никто не поставил.

Пожалуй, самое яркое художественное изображение этого эпизода представлено в опере «Мазепа» П. И. Чайковского. Но то, что происходило на самом деле, было ничуть не менее драматично. Кочубей написал гетману письмо, заявляя, что предпочел бы смерть, чем постигший его позор. («О! горе мне мизерному и от всех оплеванному»). Он вопил, что «надежды о дочери моей будущей моей утехе, обернулась в плач», что его покрывает «горький срам и поношение» и он не может смотреть в лица людские.

В ответ Мазепа теперь тоже уже не стеснялся. Он писал, что единственная причина печали — это жена Василия Кочубея. Что следовало бы на нее наложить хорошую узду (и мундштук), как кладут на кобыл. Сравнивал Мотрию со святой Варварой, которая тоже бежала от тиранства отца — и не в дом гетманский, но в менее презентабельное место — овчарню. Советовал вырвать из сердца бунтарский дух, навеянный женщиной. И с возмущением спрашивал, о каком блюде может идти речь? Впервые за все свое гетманство Мазепа открыто писал Кочубею, что шестнадцать лет прощал и закрывал глаза на многие его большие «смерти достойные» проступки.

Речь, безусловно, шла о восстании Петрика и других интригах, в которых принимал участие генеральный судья — «однако ничего хорошего, как вижу, ни терпеливость, ни доброта моя не могли сделать»<sup>6</sup>.

Гетман пылал жаждой мести («знал бы я, как врагам отомстить»), но Мотря запретила ему это делать. Некоторое время они еще переписывались (в течение декабря 1704 года). Гетман посылал девушке книгу, брильянтовое кольцо. Посредниками в их переговорах были некая Милашка и Демьян. Мазепа советовал Мотре, от которой

---

<sup>6</sup> Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. Т. 2. М., 1858. С. 127–132.

отвернулись все ее родные, идти в монастырь, «а я буду знать, что тогда с вашей милостью делать». Мотря сходила с ума, как писал сам Кочубей, «плевала» на отца и мать.

Не меньше мучился и Мазепа («Сердечно от того болею, что... не могу очей твоих и личика беленького видеть»). К этому времени, видимо, относится одна из двух дошедших до наших дней дум, написанных Мазепой. Гетман обладал серьезным литературным даром (об этом можно судить как по его любовным письмам, так и по думе «Всі покою щиро прагнути»), который отмечал еще А. С. Пушкин.

Долгое время считалось, что других образцов творчества Мазепы не сохранилось. И только когда автором настоящей статьи был введен в научный оборот «батуринский архив», вывезенный в 1708 г. А. Д. Меншиковым, среди целевших материалов была обнаружена дума «Старик с телом беседует», на которой имеется помета, что она была написана рукой гетмана. Хотя дума уцелела только в русском переводе (в оригинале она была на польском), она представляет собой уникальный образец творчества Мазепы и дает представление о тех чувствах, которые он испытывал в связи с романом с Мотрей. В своей думе Мазепа рассуждал о седых волосах и молодых желаниях тела, о плотских утехах и мучениях ада<sup>7</sup>.

Н. И. Костомаров, рассматривая этот эпизод, как мне представляется, весьма несправедливо считал Мазепу «старым греховодником», а Мотрю «очень ограниченным жемским существом». Почему-то никто (в том числе и Костомаров) не укоряет Богдана Хмельницкого за его поздний роман с Еленой Чаплинской. Позволю себе сделать предположение, что если бы Мазепа счастливо женился на Мотре, судьба народов в восточной Европе могла сложиться по-другому.

Почему же так категорически были настроены Кочубей? Некоторые историки склонны объяснять бескомпромиссную позицию Любви Кочубей тем, что у нее якобы самой был роман с Мазепой. Еще более фантастичным представляется объяснение, что Кочубей знали о тайных замыслах Мазепы и боялись за судьбу своей дочери. Ни одному историку не удалось найти ни единого документа, который говорил бы о том, что у гетмана до 1706 г. имелись «замыслы будущей измены». И уж совершенно невозможно представить Кочубея и его истеричную супругу в роли тонких политиков, просчитывающих замыслы гетмана на долгие годы вперед. К тому же Мазепа был очень немолод, и спокойно мог умереть до «измены», оставив их дочери огромные богатства...

С нашей точки зрения, здесь напрашивается другое объяснение. Любовь Кочубей явно руководила своим мужем (Мазепа не случайно писал Василию, что тот «под пихтой» ходит) и наверняка подстрекала его в амбициях на булаву. Много лет Кочубей вел интриги, стараясь свалить своего давнего соперника и занять его место. Любовь уже не раз представляла себя в роли гетманши и теперь не могла смириться с мыслью, что это место займет вместо нее ее дочь. Кочубей, распаленный женой, считал себя оскорбленным прежде всего тем, что гетман дал ему почувствовать свою

<sup>7</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Л. 73–73 об. — Австрийский ученый Михаэль Мозер так характеризовал данный текст: «Перевод с польского, сделанный М. Белецким в Посольском приказе, написан на смешанном русско-церковнославянском языке, причем он сохраняет полонизмы *цоты* или *пекельного*, которые, однако, по всей вероятности, были известны читателям порога XVII–XVIII ст. вследствие польского, белорусского и украинского влияния на московскую культуру второй половины XVII – начала XVIII в. Рифмы сохраняются только отчасти, польский источник проявляется в потерянных рифмах типа *служит — лужи*. Вульгарные выражения типа *бэду* выступают вместе с весьма высокопарными стихами, типичными для барочных виршевых произведений и написанными на церковнославянской основе».

власть. Возвращая Мотрю, полковник Анненков, начальник стрельцов из охраны гетмана, якобы заявил Кочубею: «Не только дочь может гетман взять, но и жену твою отнять у тебя может».

Как бы ни были привлекательны эмоции, владевшие сильными мира сего три столетия назад, хотелось бы в заключение подчеркнуть другое: явное несоответствие, которое переходит из работы в работу. Роман с Мотрей, почему-то как аксиома, считается преддверием и причиной доноса Кочубея. Между тем эти события разделяло более двух с половиной лет, весьма драматичных для судеб Украины и России. А личные трагедии давно отступили на второй план. Мотря за это время успела выйти замуж за близкого Мазепе человека — генерального судью Василия Чуйкевича. Он был не просто старшиной, но бывшим дворским Ивана Степановича, возведенный им сперва в звание регента генеральной войсковой канцелярии, а потом уже в генерального судью. Кстати, Чуйкевич не покинет гетмана вплоть до Полтавской битвы.

Так что причиной казни своего Мотря ни в коем случае не была. И разум от горя она не теряла, но наоборот — разделила судьбу своего мужа и была отправлена Петром в 1710 г. в Сибирь (несмотря на «реабилитацию» своего отца), где, по-видимому, и умерла. Вот такой печальный, но совершенно иной, чем у Пушкина, конец этого знаменитого романа.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### ДУМА И. МАЗЕПЫ «СТАРИК С ТЕЛОМ БЕСЕДУЕТ»

Виж[ду] бороде волос седой, но молодая похоти,  
А смерть всегда стучит под твоими вороты.  
Выйди душа из тела, уже время пришло [тому],  
А ты [па]че угождешь телу прок[лятому].

Чим часто гасишь запал огня телеснаго,  
Тем больши разжигашь угли огня пекельнаго.

А тым чинишь сповадки не цн[о]ты,  
И природной телесн[ой охоты] //  
Ведаешь всякому сотворению до времени дело служит,  
А ты лежишь во единой, как свиния, лужи.  
Мерзкий блуд есть, старых и мудрых таковоздание,  
А тебе, старый бздуну, конец, вечное мучение.

1704 г.

*Архив СПбИИ РАН. Фонд 83. Оп. 1 Ч. 1 Картон 1. Л. 73–73 об. Русская скоропись XVIII в. Переписана в 1710 г. при разборе бумаг Батурицкого архива и переведена на русский язык с польского в Посольском приказе М. Белецким<sup>1</sup>. Хранится в папке «Выписки из бумаг И. Мазепы».*

<sup>1</sup> Указ царя Петра Алексеевича от 25 июля 1710 г. «О пересмотре и разборе бывших в походной канцелярии в Москве Мазепиных писем» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Книга копий № 11).